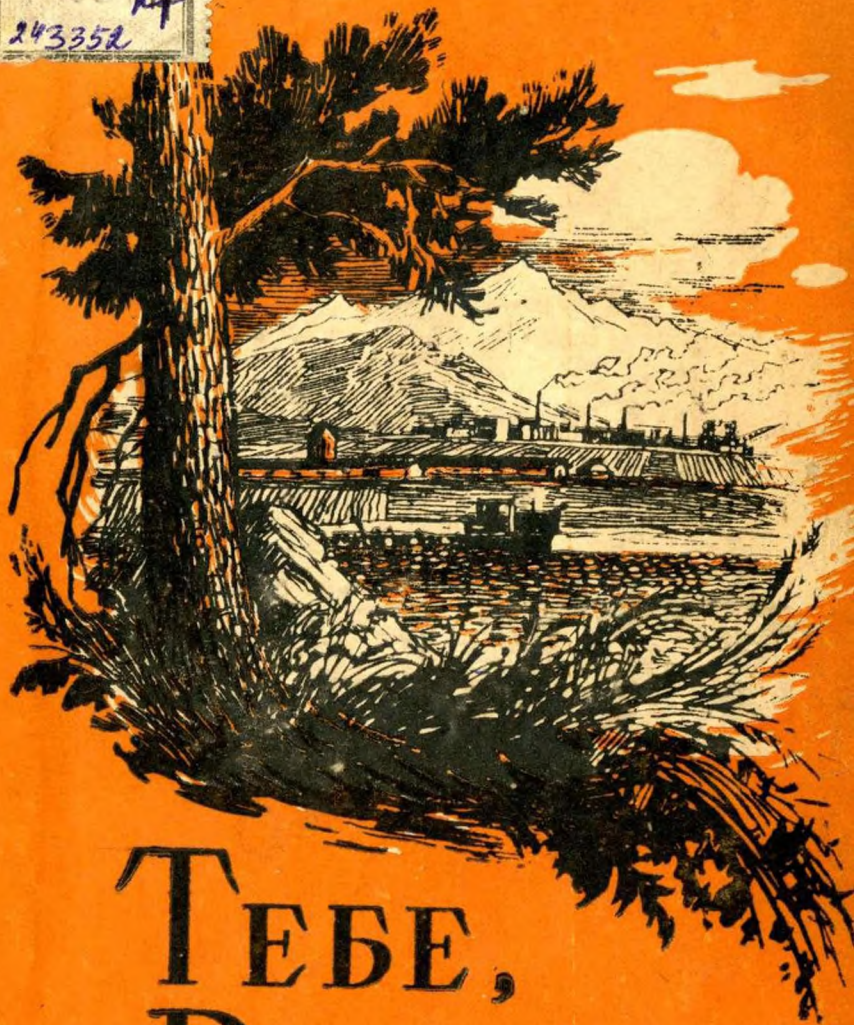

T 291
КР

243352

Т Е Б Е , Р О Д И Н А

АЛТАЙСКОЕ КРАЕВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

243352

ТЕБЕ, РОДИНА

Литературно-художественный сборник

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

АЛТАЙСКОЕ КРАЕВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Барнаул 1950

ВЕСЕННИЙ ГУЛ

(Рассказ)

Нюра, студентка педагогического института, утренним поездом ехала в свой родной колхоз. «Прошу воскресенье приехать праздник окончания сева», — телеграфировал ей накануне Павел. Прочитав телеграмму, она побежала в деканат.

— А кто это — Павел? — спросил декан, возвращая телеграмму.

Нюра смутилась и не сразу нашлась, что ответить.

— Ну, колхозник... Тракторист... Учились вместе...

— Понимаю, понимаю... — Близорукий декан шурился и улыбался. — Что ж, езжайте. Только помните: на любовь программа не отводит часов. А поэтому — на один день, на выходящей, и ни на минуту больше...

...Вот и полустанок, от которого до её деревни пять километров. Нюра не стала ждать ни подводы, ни машины. Хорошо пройти в такой день по весенним полям.

Шагая по широкой, натвердо укатанной машинами дороге, Нюра услышала гудение мотора, взгляделась в синюющую даль. Там, за Дёминным логом, работал трактор. Лёгкий ветерок, бродивший над полями, доносил то напряжённое урчанье, то размеренный рокот.

Трактористов, конечно, много, и любой из них мог сидеть за рулём, но Нюра решила, что это именно он, Павел. «Как обрадуется он этой встрече на поле».

Волнуясь, Нюра шла навстречу трактору. Павел привстал с сиденья, замахал рукой, но машины не остановил. Она подбежала и, ухватившись за прицеп, влезла на площадку управления. Павел пожал руку. Хотела сказать: «Ух, какой ты чумазый!» — А сказала:

— Ты всё ещё на колёсном работаешь? Ведь обещали новый.

— Старику пора бы в музей, а мы с ним ещё форс держим! — закричал Павел, близко нагнувшись к девушке, и постучал рукой по крылу, как бы одобряя трактор. — Хочу доказать, что и на этом работать можно с успехом...

— Всё доказываешь, и я этому очень рада! Но ты ведь писал, что отсеялись, а сам всё ещё...

— Это последний массив. Осталось два круга.

— А потом — домой?

— Мы и так дома. Наш дом — поле... После этих двух кругов пары буду начинать...

— Когда же праздник, отсевная?

— Сегодня вечером, в клубе.

— Ой, как долго ждать ещё! — призналась Нюра.

Павел улыбнулся белозубым ртом, схватил её за руку.

— Спасибо, Нюра.

Хотя он не досказал, за что это спасибо, но она поняла по его ласковому взгляду — за то, что она скучает без него, за то, что она любит...

— Значит, вечером, в клубе?

— Да.

— Жду!

Она спрыгнула с трактора и, помахивая рукой, повторила: «Жду!» — но только одними губами, так, чтобы не услышали сеяльщики.

* * *

Вечером Нюра долго ходила по знакомым улицам, вдыхая прохладный, напоённый запахами садов, воздух. Она медлила, боясь попасть в клуб раньше Павла. Когда вошла, за праздничными столами слышался уже весёлый говорок людей. Её сразу заметили девушки, усадили за стол. Она украдкой, но внимательно обвела глазами клуб. «Неужели его нет?» Нюра вышла из-за стола и направилась в гардеробную, — будто бы затем, чтоб поправить причёску, а на самом деле узнать, нет ли там Павла. Трюмо отразило высокую худенькую девушку, с правильным лицом, открытыми чёрными глазами, с волосами, уложенными в простую причёску. «Где же он?» — подумала Нюра.

Столы были заставлены снедью, напитками. Мужчины громко толковали о хозяйственных делах, женщины тихонько напевали старинную сибирскую песню.

За столом зашумели, захлопали в ладоши.

— Тост! Тост, Никита Савельевич!

Все умолкли.

— Техника — она, братцы, горячего требует, — шутил он. — А ну-ка, ещё подзаправимся!

Соседка Фрося заметила, что Нюра будто грустна, сказала:

— Павел пашет.

Нюра покраснела: знают, все знают!.. «Пашет». От этого слова стало как-будто легче, но всего на одну минуту. «Пашет...» Зачем же вызывал телеграммой? Видимо, прав был декан: «На любовь программа часов не отводит».

— Товарищи! Товарищи-колхозники! — поднялся из-за стола бригадир Михайло Щучкин. Язык его чуть заплетался, голос был хриловат. — Товарищи-колхозники моей первой бригады! Вашего бригадира... товарища Щучкина обругали сегодня... Меня, так сказать, обругали...

За столами засмеялись, некоторые захлопали в ладоши.

— А кто это посмел, дядя Михайло? — иронически спросили из-за стола, где сидели трактористы.

— Пашка Зернаев... Которого вы профессором величаете! Я ему не прощу... чуть ли не с кулаками он на меня кинулся... Не прощу! Чтобы каждый...

— Э, стоп! — вмешался председатель. — А сам-то ты во всём прав? — И, подойдя к Щучкину вплотную, прошептал: Мы сделаем другие выводы...

Нюра слушала этот разговор с пылающим лицом. Так вот оно что! Нахулиганил — и не пришёл. Стыдно итти, пахать остался.

Гармонь заиграла «товарочку». Повеселевшие молодые женщины, принаряженные, разругавшиеся, как по уговору, выскочили на круг.

— Наш черёд... Девчонки каждый день толкутся, а сегодня мы займём круг! Играй веселей!

— Дорогу женщине! — шутил кто-то.

По клубу разносились звонкие частушки.

Вслед за молодыми в пляс пустились пожилые колхозницы, в ярких широких юбках с оборочками, в просторных кофточках. Как белые голубки, над пляшущими порхали платочки, высоко поднятые в руках. Какая-то женщина, положив руку на бедро, бочком шла прямо на гармониста, выбивая дробь высокими каблуками.

Колхозники наперебой просили выйти в круг председателя Ивана Степановича.

Трактористы из дневной смены сидели за отдельным столом. Павла среди них не было. Почётных гостей, главных вершителей судьбы сева, угощал председатель колхоза.

Гармонист всё ускорял и ускорял темп. И сам он как будто сросся с гармошкой, — энергично бросал кудрявую голову то в одну, то в другую сторону, громко пристукивал ногой, поддёргивал бровями и губами.

— Играет, — будто вкусное что-то ест, — заметила Фрося, стоявшая рядом с Нюрой.

Нюра чуть-чуть притопывала туфелькой и тихонько подпевала. Но мысль о Павле мешала ей до конца отдаться веселью.

Они росли и учились вместе. Вместе вступили в комсомол. Сын кузнеца, Павел в школе возглавлял кружок юных техников. Сарайчик, где у Паши Зернаева была мастерская, так и звали: «дом юных техников». В этом «доме» на стенках висели чертежи, рисунки, вычисления.

Четырнадцатилетний Павел уже хорошо знал автомобиль и трактор. Юный механик со своими друзьями всё свободное время проводил в колхозной кузнице, в мастерской МТС, ходил вечно измазанным в масле. В девятом классе, когда школьникам задали написать сочинение на свободную тему — написал стихотворение «Трактор».

Конечно, стихотворение было неважное, но преподаватель похвалил его перед всем классом. Павел, смущённый, признался:

— От любви к технике написал я это стихотворение. Когда что любишь — поэтом станешь.

«От любви!» Не впервые слышала это слово Нюра, но тогда, в устах Павла, прозвучало оно как-то значительно и взволновало её. Взглянув на Павла, Нюра покраснела. Придя домой, поймала себя на том, что мысль о юноше не выходит из головы. «Какой он!.. За свою мечту о машинах готов на всё... А глаза доверчивые, открытые, простые... Без насмешки...»

Закончив десятилетку, Павел собирался поступить в институт механизации, но парторг Никита Савельевич посоветовал хотя бы один год поработать в МТС, чтобы практически ознакомиться с машинами, так как это, несомненно, пригодится в институте.

В семье Павла совет парторга одобрили. Только Нюре немного было не по себе — она уезжала в институт, а Павла не будет вместе с ней. Но он так увлекательно рисовал ей планы на этот год, что она тоже загорелась его мечтой и чуть было не осталась работать в школе пионервожатой...

— Освободите, товарищи, освободите... — отшучивался он, указывая на протез. — На одном скате куда я годен? Одним сапогом пыль не поднимешь!

Парторг высоко поднял бокал, тихо, с чувством начал:

— Товарищи...

Он остановился, чтобы унять волнение.

— Товарищи... прославим простого человека, героя сегодняшнего дня, который своим честным и умным трудом строит светлый мир коммунизма! За героев труда!

Люди снова зааплодировали, но теперь с такой силой, что хлопки слились в долго не смолкавший гул.

Перед глазами Нюры вдруг всплыл образ Павла, ведущего свой трактор в ночной темноте. И она сильнее захлопала в ладоши — ему, Павлу, будто он мог услышать эти хлопки... Ведь это его прославлял парторг, ведь это о нём он говорил... Ей захотелось скорее бежать к нему на поле, чем-то помочь ему, может, одним только ласковым словом или просто своим присутствием...

* * *

Досеяв полосу, на которой его оставила Нюра, Павел переехал на залежь, где должен был начать взмёт паров. Он гордился, что на его долю выпала честь проложить первую борозду на огромном массиве, пустующем с довоенного времени.

Горючее было на исходе — и скоро он остановил трактор.

— Сбегай за заправщиком. Уснул он, что ли? — сказал Павел прицепщику.

Тот ушёл, но вскоре вернулся ни с чем.

— Горючего нет. Обнюхал все бочки — ни капельки. Заправщик куда-то ушёл. Михайло Щучкин спит в будке...

Павел побежал к тракторному вагончику. Он знал, что тракторный бригадир уехал на совещание, и придётся разговор вести с бригадиром полеводческой бригады! Щучкиным. А Щучкин — тяжёлый на подъём человек! Всю посевную не давал он развернуться, выжать из трактора возможное. То на жнивье, отведённом под пахоту, не была убрана во-время солома, то бригадир не мог найти прицепщика или сеяльщика, то опаздывал с подвозом семян, то горючевозы нарушали график. Сегодня снова нет горючего, и, конечно, опять по вине полевого бригадира.

Когда Павел открыл двери вагончика, громкий храп поразил его. Щучкин спал сном праведника, уставшего от трудов.

— Подъём! — крикнул Павел, дёрнув спящего за ногу. Придать Щучкину вертикальное положение стоило немалых трудов.

— Когда будет горячее, товарищ бригадир?

— Уже израсходовал?

— То, что есть, не просят.

— Да ты что же, пахать собираешься? — усмехнулся Щучкин и, сладко потянувшись, подмигнул трактористу. — А зазноба как же, ждёт поди-ка.

Павел побледнел и даже не нашёлся, что ответить.

— Иди домой, отдыхай. Я за всё отвечаю. Я бригадир, — хрипел заспанно Щучкин. — Эх, и девка у тебя... А горячего не будет. Последнюю подводу я послал за пивом на пасеку. Праздничек ведь, отсевная...

Павлу хотелось броситься на Щучкина, измолотить его кулаками.

Голос Павла дрожал, лицо побагровело, серые глаза сверкали недоброй решимостью.

— Ты скажи — будет горячее?

Глаза их встретились. Павел так близко подошёл к Щучкину, что услышал запах водки.

Гнев Павла просил выхода.

— Ты сейчас же представь горячее, слышишь? Сам езжай, если подводы у тебя пиво возят! На своём выездном! Ведь у тебя два выездных коня!

Кулаки, которыми Павел энергично потрясал, произвели на невыспавшегося бригадира сильное впечатление.

Он выбежал из вагончика, сел на дрожки, и через минуту скрылся за ближайшим колком.

Для Павла начались часы томительного ожидания. Он вспоминал о Нюре. Придётся ей одной побыть на праздничном вечере. Но Павел утешил себя тем, что Нюра хотя и погрустит, но поймёт, что он не мог явиться на праздник, не выполнив норму и бросив трактор до утра без работы. Она поймёт!

Только на солнцезакате привезли на бригадирской лошади горячее. Павел заправил свой трактор. Стало спокойно и радостно на душе, когда ровные и широкие, блестящие на срезе пласты побежали за трактором, ложась друг на друга, один к одному. Мотор — старый работяга — надрываясь, постукивал и покашливал, всё тело трактора дрожало от напряжения. Да, это была трудоёмкая, но зато урожайная за-лежь! Павел, стараясь не покривить первой борозды, крепко держался за руль. Он думал о том, как через год на этом

месте зашумят могучие волны хлебного моря, и он приведёт сюда Нюру, покажет ей свою работу. Обязательно побывают они здесь!

...Колхозный вечер подходил к концу, когда Павел, сдав смену, приодетый, появился на пороге клуба. Навстречу ему шла Нюра.

— Я к тебе хотела идти, на поле, — сказала она и улыбнулась.

— Опоздала...

Они вышли на крыльцо.

— Ты сердисься? — спросил Павел.

Могла ли она сердиться? Но ей хотелось знать, почему Павел так задержался? И как это он не поладил со Щучкиным, нагрубил ему?

Павел рассказал.

— Ругать будешь? Груб, невежа? Не по-комсомольски поступил?

Нюра медлила с ответом, и вдруг крепко сжала его руку.

— Такого тебя, Павлуша, я ещё больше люблю...

Скрипя протезом, из клуба вышел Иван Васильевич. Он увидел Павла, подошёл к нему.

— Сколько сегодня простоял?

— Два часа, Иван Васильевич.

— А норму как — дотянул?

— Сто пять, Иван Васильевич... Завтра я вам напишу докладную о действиях Щучкина.

— Слышал, слышал... Составим акт, а по Щучкину сделаем выводы.

Иван Васильевич сказал это с нескрываемой резкостью.

С такими мыслями председатель подошёл к Никите Савельичу.

А Павел и Нюра в это время вышли за деревню, остановились на пригорке. Нюра рассказывала, как весело прошёл вечер, как плясали и пели, как Никита Савельич произнёс тост и как она адресовала этот тост Павлу.

И ни слова о том, что весь вечер сдерживала себя, чтобы не разрыдаться.

— Постой, Нюра, подожди... Слышишь?..

Она затаила дыхание, стараясь что-то услышать. Кругом было тихо. Потом с поля, из далёкой тьмы, донёсся знакомый гул.

— Пошёл, снова пошёл... А то вдруг, слышу, остановился. Давай, Нюра, послушаем. Люблю эту музыку...

Они долго молчали. Мягкий, тёплый ветерок приносил с поля то мощные торжественные раскаты, то приглушенное

бормотанье. Это шалил ветер: он то относил в сторону, то снова приближал гул тракторов.

— Знаешь, Нюра, о чём я думаю?

Павел крепко стиснул руку подруги.

Он протянул руку к полям:

— Весенний гул... Гул нашей великой Родины! — мечтательно сказал Павел. — Я часто о нём думаю...

— Да... да...

И Нюра подумала о том, что декан был совсем неправ.

